

О русской литературе Австралии беседуют литературовед Евгений Витковский и заведующая порталом «Русскоязычная литература Австралии» старейшей русскоязычной газеты Австралии «Единение» Наталья Крофтс.

НК: Евгений Владимирович, прежде всего, разрешите поздравить вас с выходом двухтомника «Вечный слушатель: семь столетий поэзии в переводах Евгения Витковского», собравшего основные ваши переводы более чем за 40 лет работы.

Но, отдав дань вам, как переводчику, вернёмся к вам, как к литературоведу, подавшему мне идею заняться исследованием русской литературы Австралии. Давайте начнём наш разговор с самых её истоков. Насколько мне удалось определить, первое стихотворение, написанное русским поэтом на австралийской земле, принадлежало Константину Бальмонту, приехавшему в Австралию в 1912 году. По крайней мере, первое стихотворение, до нас дошедшее.

ЕВ: И не только стихотворения, а ещё и письма – из города Хобарта, штат Тасмания. Город этот Бальмонт обложил со всех сторон! Ругался не меньше, чем наш Гоголь, который попал на Мальту и первым из русских людей зафиксировал: «Язык невесть какой». Но я согласен: думаю, что раньше Бальмонта в Австралии Вы ничего и не найдёте. Другой вопрос, а можно ли считать Тасманию тех лет полноправной Австралией?

НК: Но Бальмонт побывал не только на Тасмании. Из Хобарта он поехал в Мельбурн, который ему тоже не понравился, а потом в Сидней – и этот город ему, наконец, понравился немного больше. Вдобавок у Бальмонта в Австралии ещё и багаж украли – правда, потом нашли. Обо всех этих приключениях он рассказывает в своих письмах.

ЕВ: Ну что ж, если русская литература Австралии родилась во втором десятилетии XX века, и начало своё ведёт от Бальмонта – то не такое уж и плохое это начало. Хотя где-то в то же время в Австралии ещё был Скиталец, автор слов знаменитой песни «На сопках Маньчжурии». И в какой-то период в Австралии побывал Сергей Алымов, написавший в своё время «Хороши весной в саду цветочки» и ещё много чего. Это во

всех справочниках написано, просто никто не обращал на этот факт особого внимания.

НК: Да, как раз 1912 год для русской литературы Австралии был очень урожайным. В этом же году туда приехал и первый русский прозаик, натуралист Александр Усов, писавший под псевдонимом «Чеглок». Он, кстати, увидел Австралию в том же непривлекательном свете, что и Бальмонт. Как ни забавно, оба эти автора, независимо друг от друга посетив Австралию в 1912 году, написали вещи, озаглавленные «Чёрный лебедь». Оба эти произведения говорили об истреблении австралийских аборигенов, о жадности и жестокости белых колонистов. Только у Бальмонта это было стихотворение, а у Александра Усова – рассказ. И как раз где-то в это время в австралийском городе Брисбене поселился и упомянутый Вами Сергей Алымов. Вообще, судьба у этого человека поразительна; даже непонятно, трагедию ли писать про его жизнь или «прохиндиаду». В наше время мало кто помнит имя создателя «Цветочков». И уж совсем единицы знают, что впервые Алымов начал публиковаться в Австралии: он прожил здесь пять лет после побега из сибирской ссылки, куда угодил за участие в революционной деятельности группы анархистов-коммунистов. Или что он долго считался (да и сам себя считал) создателем песни «По долинам и по взгорьям». Что основал несколько кафешантанов в китайском Харбине – и что там же попал в тюрьму за дуэлянство. Что вошёл в число поэтов, участвовавших в конкурсе написание гимна Советского Союза. Что был репрессирован и работал на Беломорканале. Что сам напросился на фронт и за боевые действия был награждён орденом «Красная звезда» и медалью «За оборону Севастополя». Что в 1942 году на своём юбилее он при свидетелях расстрелял портрет Сталина, висевший на стене – да так, что одна только рамочка осталась. И что этот же человек – автор популярных песен «Любимый Сталин», «Песня о Сталине» и прочих опусов в том же духе. Правда, в Харбине, Алымов писал строки совсем иного характера:

Звёзды – алмазные пряжки женских, мучительных тупель

Дразнят меня и стучатся в келью моей тишины...

Вижу: монашка нагая жадно прижалась к пуфу

Ярко-зелёной кушетки... Очи её зажжены.

ЕВ: И всё-таки первый большой поток русской эмиграции хлынул в Австралию уже после Второй Мировой войны. С ним же появились у вас поэты Константин Халафов и Борис Нарциссов.

НК: Евгений Владимирович, вам не кажется удивительным, что два поэта, попавшие в Австралию из послевоенной Европы примерно в одно и то же время, настолько диаметрально противоположны по духу, по видению Австралии? В стихах у Бориса Нарциссова «пересохший континент» страшен, а у Константина Халафова он светлый, уютный, домашний:

Где они: болезнь, тоска, тревоги?
В жизни редко думал я о Боге,
И зачем мне думать? Всё равно,
Мыслью не постичь и не измерить,
То, во что я начинаю верить,
Что душа, и лес, и Бог – одно.

ЕВ: А Халафов весь светлый. И потом: Нарциссов-то прожил в Австралии всего полтора года, а Халафов – девятнадцать лет. И совершенно больше никуда не хотел ехать, ему явно нравилась страна, в Австралии у него и так всё было хорошо.

НК: Да, я недавно встречалась с внучкой Константина Халафова, Анной, и, судя по её рассказам, жизнь у него была очень наполненная, благополучная. Он очень серьёзно занимался и орнитологией, и общественной деятельностью, и музыкой – и при этом был ещё и преуспевающим инженером. Так что, действительно, Константин Константинович прожил в Австралии счастливую жизнь.

А почему уехал из Австралии Борис Нарциссов?

ЕВ: Нарциссов уехал не «откуда», он уехал «куда». Ему предложили очень хорошее место в Америке. А это в начале 50-х годов играло серьёзную роль, потому что хорошо устроиться было непросто. Бориса Нарциссова пригласили, даже буквально вытащили в Америку, потому что он был специалистом достаточно уникальным в своей области. Иначе он спокойно жил бы себе в Австралии и разводил цветы. Борис Нарциссов очень любил цветы разводить, говорил: «У меня такая фамилия...»

Но интересно вот что: хотя в Австралии Борис Нарциссов был недолго, всего полтора года, в творческом плане этого ему хватило. Его поэзии Австралия дала очень много: ощущение другой страны, другого полушария, другой планеты, если хотите. Помните его «эвкалипты – погиб ты»?

НК: Да,
Этот серо-зеленый покров – эвкалипты.
Это – шкуры змеиные слезшей коры.

И вот так без конца. И ты знаешь: погиб ты

Здесь, в краю эвкалиптов и тусклой жары.

ЕВ: А дорога в Америку была двусторонняя. Например, Михаил Волин поехал в Америку на какое-то время – а лет через десять вернулся назад. Хотя, конечно, Волин в русской литературе остался, в основном, только как соавтор песни Вертинского «Дорогая пропажа». Причём не очень понятно, что там писал Вертинский, а что – Волин; Вертинский же очень часто переделывал для своих песен чужие стихи.

НК: Вы знаете, в Австралии Михаила Волина ещё помнят как специалиста по йоге. Но вообще в русской литературе Австралии, особенно в прошлом веке, было много колоритных фигур. Например, совсем недавно Владимир Кузьмин, главный редактор газеты «Единение», нашёл стихи Владимира Петрушевского. Стихи у этого человека интересные, но судьба – вообще удивительная. Петрушевский родился в 1891 году, был крестником Александра III. В Гражданскую воевал в армии Колчака, а потом из Владивостока эмигрировал в Индонезию – и там стал начальником геологической службы разведки вулканов. И только выйдя на пенсию, в 1950 году, переехал в Австралию, в Сидней. И таких вот интересных судеб было немало. Евгений Владимирович, а если говорить об авторах более позднего периода и уже нашего времени, кого знают за пределами пятого континента?

ЕВ: Вы, наверное, помните сборник «Антология русских поэтов Австралии», вышедший в 1998 году? Туда вошло несколько приличных авторов, довольно известных: Клавдия Пестрово, Елена Недельская, ныне здравствующая Нора Крук. Но почему-то в этом сборнике не было ни Юрия Михайлика, уже живущего к тому времени в Австралии, ни других названных нами имён, кроме, пожалуй, Михаила Волина.

НК: Как мне кажется, сильные авторы русской Австралии сейчас всё больше стараются найти единомышленников и аудиторию за пределами Австралии. В наши дни это стало вполне возможным. В этом году австралийский автор из Мельбурна, Алиса Ханцис, получила третье место на конкурсе «Русская премия», в категории «Крупная проза» за исторический роман «И вянут розы в зной январский». Австралийские авторы публиковались во многих толстых журналах: «Новый мир», «Нева», «Новый журнал», «Октябрь», «Юность», «Новый берег», «Интерпоэзия» и других. А несколько авторов нашего портала «Русскоязычная литература Австралии» были опубликованы и в

многотиражных изданиях России: «Литературная газета», журнал «Работница» и прочих.

Да и в самой Австралии происходят события, которые позволяют узнать про новых авторов. Например, моя последняя поездка в Мельбурн, по приглашению Залмана Шмейлина и его объединения «Лукоморье», позволила мне познакомиться с интересными авторами – и на портале газеты «Единение» появились новые имена, среди которых – Инга Даугавиете, Александр Грозубинский, Юрий Вайсман.

Да и новые встречи с уже знакомыми авторами позволяют больше узнать о русской литературе пятого континента, услышать стихи в авторском прочтении. Например, Юрий Михайлик иногда выступает в сиднейском «Клубе книголюбов». А в этом году произошло ещё одно радостное событие: украинское издательство «ТОН Ключ» выпустило первую книгу Норы Крук на русском языке, «Я пишу по-английски о русском Китае».

ЕВ: Это просто замечательно! Ведь Нора Крук – это интересный поэт и восхитительный человек с уникальной судьбой. Она родилась в 1920 году в Харбине, её стихи вошли в антологию «Русская поэзия Китая», публиковались во многих русских изданиях, от «Литературной газеты» до «Нового журнала», но вот книги на русском языке до сих пор у неё не было.

НК: Совершенно верно. Но, наконец, в этом году Нора провела презентацию своего первого русского сборника, куда вошли не только её стихи разных лет, но и воспоминания. Это было, по-моему, замечательное событие в культурной жизни русской общины Австралии. Такие книги позволяют нам запечатлеть и сохранить историю нашей культуры, историю литературы русского зарубежья – и сделать всё для того, чтобы, как написала Нора в одном из своих стихотворений, «в ладонях осталась память».

Евгений Витковский (р. 1950) – переводчик, писатель, поэт, литературовед. Создатель сайта «Век перевода», редактор и издатель антологий «Семь веков французской поэзии», «Семь веков английской поэзии», антологии поэзии русского зарубежья «Мы жили тогда на планете другой», собрания сочинений Георгия Иванова, двухтомника Ивана Елагина, собрания сочинений Арсения Несмелова и др.